

КОНСУЛЬТАЦИИ

А. Б. Шевнин

КОНЦЕПТ «ОШИБКА» В ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье рассматриваются различные интерпретации лингвистов-переводоведов концепта «ошибка», классификации ошибок. Предлагается ввести в сферу лингвистических исследований эрратологию как самостоятельную дисциплину для повышения качества переводческой деятельности.

The article touches upon different interpretations of the concept «error» by Russian and foreign scholars, classification of errors. It is suggested that linguistic research should include Erratology as an independent discipline aimed at improving the quality of translation and interpreting.

Работы, посвященные вопросам анализа ошибок в условиях межъязыковой коммуникации, в отечественном переводоведении немногочисленны (В. Н. Комиссаров, Р. К. Миньяр-Белоручев, А. К. Латышев, А. Ф. Ширяев, М. О. Фаненова, Е. В. Бреус, Н. Я. Галь, А. Э. Мильчин, А. А. Залевская, С. Г. Тер-Минасова, Ю. А. Сорокин).

Так, Е. В. Бреус, рассматривая исходный текст как «матрицу переводческих проблем» для решения дидактических задач (с чем трудно не согласиться), отмечает: «Начинающий переводчик должен, прежде всего, научиться видеть переводческие проблемы, а это дается нелегко...» [3, с. 4]. Вызывает сомнение дидактическая ценность данного утверждения Е. В. Бреуса, предлагающего сначала прибегнуть к методу проб и ошибок, и только спустя время – благодаря практике перевода – увидеть переводческие проблемы. А не проще ли научить переводчика видеть их и преодолевать? По мнению известного теоретика перевода В. Н. Комиссарова, «аналитический перевод (перевод с анализом) требует серьезной предварительной подготовки. Необходимо подобрать такой текст, который был бы интересен по содержанию и включал бы достаточное число типичных переводческих трудностей. Преподаватель заранее решает, какие из таких трудностей будут объектом детального разбора на занятии...» [4, с. 74]. Закономерно возникает вопрос о степени объективности отбора переводческих трудностей. Если преподаватель действует интуитивно или на основе собственного переводческого опыта, то вряд ли можно говорить о теоретическом, научном подходе к методике преподавания и методике в целом. Не получится ли так, что он отберет случаи переводческих трудностей, с которыми лучше знаком?

В. Н. Комиссаров подразделяет ошибки, обусловленные переводческими трудностями, на две группы. Ошибки первой классифицируются по степени отклонения от содержания оригинала:

- 1) полностью искажающие смысл текста;
- 2) неточности перевода, не передающие или неправильно передающие какую-то часть смысла, но не искажающие полностью его содержание;
- 3) шероховатости стилистического характера, связанные с неудачным выбором слова или громоздкой структурой фразы и требующие редакторской правки, хотя и не влияющие на точность передаваемой информации.

Вторая группа включает всевозможные нарушения норм и узуса языка перевода: сочетаемости слов, грамматических, орфографических, пунктуационных и т. п. [4, с. 48–49]. В более ранней работе автор определяет вторую группу ошибок как «нарушения обязательных норм языка перевода, не влияющие на эквивалентность перевода, но свидетельствующие о недостаточном владении переводчиком данным языком или его неумении преодолеть влияние языка оригинала» [5, с. 244]. Объединение данных типов ошибок в одну группу представляется недостаточно правомерным, поскольку их природа совершенно различна.

А. К. Латышев объясняет все ошибки недостатками в трансляции исходного содержания и в адаптации содержания и формы текста на языке перевода к коммуникативной компетенции адресатов [6, с. 134]. Первые, с точки зрения автора, представляют собой:

- 1) искажения, при которых переводной текст вводит в заблуждение относительно предмета сообщения, вызывает неадекватные представления и эмоции;
- 2) неточности – искажения «с меньшей степенью дезинформирующего воздействия, меньшей степенью неадекватности потенциального коммуникативного эффекта»;
- 3) неясности – «функционально-содержательный изъян переводного текста, в результате которого затемняется смысл переводного высказывания, достаточно четко выраженный в исходном тексте, то есть в переводе не вполне ясно, что хотел сказать автор» [6, с. 134–136].

Ошибки, возникающие при адаптации транслируемого содержания и формы его выражения к новым условиям восприятия, сводятся А. К. Латышевым к буквализмам и вольностям. Подразделяя буквализмы на функционально-содержательные и функционально-нормативные (нормативно-языковые и узуальные) ошибки, к первым автор относит искажения, неточности и неясности, которые причислялись к недостаткам в трансляции исходного содержания, а ко вторым – узуальные (ср.: страстный курильщик –

заядлый курильщик), речемыслительные, трактуемые как нарушения смысловых связей, в том числе тавтологические, стилистические, причиной которых являются обычные пробелы в культуре речи языка перевода [6, с. 136–141]. Вряд ли можно согласиться с таким пониманием «буквального перевода», поскольку ошибки, обусловленные низкой культурой речи переводчика, имеют косвенное отношение к переводу: «Буквальный перевод недопустим, ибо... при такого вида переводе либо искажается содержащаяся в исходном тексте информация, либо нарушаются нормы языка перевода, либо, наконец, имеет место и то, и другое» [2, с. 186]. От себя уточним: нарушение норм языка перевода обусловлено не низкой культурой речи переводчика, а искаженной информацией, привнесенной в язык перевода. Так, *sweet pea* в переводе дается как «сладкий горошек», никаких отклонений от норм здесь не наблюдается, хотя это и есть «буквализм» (правильный перевод – «душистый горошек») [2, с. 187].

В случае чрезмерных сдвигов в переводе Л. К. Латышев говорит о вольности, психологическая подоплека которой, по его мнению, состоит в стремлении перевести как можно «красивее или же в нежелании тратить усилия на поиски оптимального варианта». С последним утверждением, по-видимому, можно согласиться. Однако здесь же отмечается, что «в наиболее типичных случаях претензии к переводу за его вольность поддаются конкретизации через указания на искажения и неточности, допущенные переводчиком» [6, с. 141]. Вновь придется прибегнуть к помощи Л. С. Бархударова, который писал, что «при вольном переводе, как правило, не имеют места ни смысловые искажения, ни нарушения норм», а очевидны попытки перевести как можно «красивее» [2, с. 188]. Представляется, что Л. К. Латышев, сделавший попытку типизировать переводческие ошибки, нечетко определяет отличие одного типа от другого, рассматривая «неясность» как нечто не вполне ясное относительно того, что хотел сказать автор. Более убедительно по этому вопросу высказывание Б. С. Мучника, с которым мы полностью солидарны: «Ясность многие исследователи-лингвисты называют важнейшим качеством речи. Аристотель считал ясность речи не только первым, но и единственным достоинством... В большинстве случаев ясность речи нарушается из-за двусмысленности, точнее – из-за неправильного понимания какого-то элемента предложения или связи элементов» [8, с. 17]. Иначе говоря, то, что Л. К. Латышев классифицирует как неясность, фактически представляет собой (по его же терминологии) искажение. Следует конкретизировать и понятие неточности, поскольку существуют, по крайней мере, две разновидности точности: фактическая – как свойство, присущее правильному отражению мира мыслью автора, и коммуникативная – как свойство, возникающее при выраже-

нии мысли автора, когда эта мысль адекватно взята «словом» и «запущена в канал коммуникации для передачи ее другому лицу» [8, с. 246–247].

Таким образом, типизация переводческих ошибок должна, на наш взгляд, базироваться на принципах их четкого разграничения и наименования, а такие понятия, как «искажение», «неточность», «неясность» или «шероховатость», вряд ли можно назвать составляющими языка переводоведения как самостоятельной науки. Более того, простое перечисление переводческих ошибок не имеет большой ценности как для теории, так и для практики перевода: необходимо выявить их природу, причины возникновения, а это может послужить основой для возможной коррекции контрастивных (сопоставительных) исследований, уточнения степени коррекции интерференции (как прямой, так и обратной), расширения списка переводческих приемов, построения иерархии переводческих ошибок (от наиболее до наименее грубых), как следствие – коррекции стратегии обучения переводчиков.

Более последовательной и приемлемой представляется теория несоответствий Р. К. Миньяр-Белоручева, которая, правда, больше применима к устному, чем к письменному виду перевода. Автор предлагает рассматривать ошибки как потерю или приобретение информации, причем каждый речевой отрезок, вычлененный как несоответствие, содержит только один квант информации [7, с. 119]. В зависимости от коммуникативной ценности информации для перевода предлагается градация информационных потерь как со стороны исходного, так и языка перевода: в первом случае имеем дело с переданной ключевой информацией, а во втором – с прибавочной. Действительными можно считать потери в ключевой информации, кроме которой иерархически представлены дополнительная, уточняющая, повторная, нулевая [7, с. 125]. Соответственно, общая градация ошибок выглядит следующим образом: ошибки первой степени – наиболее грубые, связанные с появлением квантов прибавочной ключевой информации; второй – с потерей ключевой информации; третьей – с потерей или появлением квантов дополнительной или уточняющей информации; четвертой – результат возникновения несоответствий в виде квантов переданной или прибавочной повторной информации или нулевой информации, которые классифицируются автором как стилистические ошибки и степень серьезности которых может зависеть от вида перевода и информационной структуры сообщения как инварианта перевода [7, с. 130].

В переводоведении хорошо известна теория закономерных соответствий, которая вскрывает основанные на функциональной зависимости общие закономерности переводческого процесса [9, с. 8]. Л. С. Бархударов также утверждает, что «теория перевода должна рассматривать не любые отноше-

ния между текстами на языке подлинника и языке перевода, но лишь отношения закономерные, то есть типические, регулярно повторяющиеся» [2, с. 7]. Однако вышеупомянутые авторы не отрицают большого количества нерегулярных соответствий, которые устанавливаются в процессе перевода. Именно умение находить единичные соответствия в зависимости от условий коммуникации представляет собой творческий характер деятельности переводчика. С. А. Семко, Н. А. Клушин выдвигают теорию соотносимости элементов оригинала и транслята, т. е. текста перевода, в рамках которого, по их мнению, следует выделять субкатегории соответствий и несоответствий [10, с. 98]. Таким образом, соответствие или несоответствие складывается в результирующем переводном тексте на уровне его отрезков. В. Н. Комиссаров определяет соответствие как единицу языка перевода, регулярно используемую для перевода данной единицы исходного языка [5, с. 135]. Я. И. Рецкер, автор теории закономерных соответствий, предлагает три категории, которые именуются эквивалентами, установившимися в силу тождества обозначаемого, а также отложившимися в традиции языковых контактов; вариантными и контекстуальными соответствиями, которые, в свою очередь, имеют более дробную классификацию [9, с. 9–23]. Важным представляется то, что соответствия (за исключением эквивалентов) складываются не между изолированными языковыми единицами или их значениями, а между речевыми элементами, извлекаемыми из коммуникативно равноценных высказываний или фрагментов текста. Р. К. Миньяр-Белоручев полагает, что базисным для определения категории соответствия является положение о речевом произведении (или тексте) как сумме:

- 1) форм компонентов, включающих графические или звуковые комплексы слов, а также связи между элементами речевого произведения;
- 2) семантических компонентов, складывающихся из лексических и грамматических значений, заключенных в речевом произведении;
- 3) квантов смысловой информации различной ценности [7, с. 112].

Наиболее грубую ошибку при переводе, по мнению исследователя, представляют несоответствия, передающие прибавочную ключевую информацию. Однако теория несоответствий Р. К. Миньяр-Белоручева, в основе которых лежит тот или иной тип информации, не раскрывает сущность неэквивалентного перевода. В тексте перевода тип информации, а именно: уточняющая, дополнительная, повторная, нулевая – может быть обязательным, хотя в тексте оригинала не выражен эксплицитно. Все будет зависеть от задач коммуникации (повествование, апелляция, волеизъявление), особенностей адресата (его социального статуса, кругозора, развития, профессионализма), условий коммуникации (слуховые, зрительные). Впрочем, автор

также отмечает, что «изменение может быть закономерным, полезным для перевода, оно может быть и ошибочным, ухудшающим результаты работы переводчика» [7, с. 115]. Поскольку категория соответствий логически предполагает свой антипод – категорию несоответствий, данный факт и практика переводческой деятельности, в ходе которой имеют место буквальный и вольный переводы, позволили Р. К. Миньяр-Белоручеву предложить и обосновать теорию несоответствий в переводе, основанную на понятии информации, которая содержится в многоязычном тексте и требует передачи в тексте перевода [7, с. 111–131]. Однако исходный и переводной текст, как правило, не совпадают по количеству и качеству информации: «Они не совпадают на формальном уровне... на семантическом уровне... и на уровне смысловой информации, складывающейся из семантической и ситуационной...» [7, с. 114].

Особую ценность для нас представляют выводы Р. К. Миньяр-Белоручева из теории несоответствий, подтверждающие целесообразность и перспективность избранного нами пути исследования для обоснования многих обобщений как теоретического, так и методическо-практического планов: «Определение тех или иных закономерностей несоответствий говорит об особенностях функционирования умственных механизмов переводчика в том или ином виде перевода, а следовательно, и о закономерностях процесса того или иного вида перевода. Выявление особенностей функционирования умственных механизмов переводчика является непременным условием организации учебного процесса и создания научной методики подготовки переводчиков. Определение тех или иных закономерностей включает в себе, наконец, возможность вскрытия особенностей процесса порождения речи и источников, лежащих в основе тех или иных речевых действий» [7, с. 126].

Анализу переводческих трудностей, проблем и ошибок посвящены исследования и зарубежных переводоведов. Среди них особо стоит отметить работу «Переводческая наука: Проблемы и методы» западногерманского лингвиста В. Виллса, одним из первых затронувшего вопросы организации подготовки переводчиков [12]. Особое внимание он уделяет анализу переводческих ошибок и классификации переводческих трудностей, считая, что в основе их лежат такие факторы, как своеобразие каждого из языков, отличительные черты переводчика, участвующего как в роли адресата текста оригинала, так и в роли автора текста перевода, а также особенности типа текста и конкретного текста оригинала. В. Виллс предлагает различать типичные и нетипичные ошибки, которые классифицируются в зависимости от породивших их причин. Самые грубые, по мнению автора, обусловлены непониманием смысловых отношений между частями текста оригинала; далее идут

грамматические, стилистические, когнитивные и ошибки, связанные с нарушением норм языка перевода. В. Виллс полагает, что процесс перевода следует рассматривать как операцию решения проблем, подразделяя их на макро- и микроконтекстные. Первые связаны с необходимостью и требованием определить общий смысл, цель, назначение, функцию текста оригинала. Большую трудность представляют микроконтекстные проблемы, к которым В. Виллс относит случаи семантической неопределенности, тема-рематического деления текста, синтаксические сложности и т. д. Согласно В. Виллсу, при обучении переводу акцент должен делаться не на уникальность процесса перевода, а на повторяемость его основных аспектов в равных контекстах, хотя интуиция и фантазия переводчика не должны сбрасываться со счетов.

Интересное экспериментальное исследование проведено немецким переводоведом Х. Крингсом, который предложил информантам при осуществлении перевода текста с целью выявления особенностей данного процесса рассуждать вслух. Автор пришел к выводу, что стратегия переводчика зависит от того, решает он проблемы понимания или передачи, т. е. порождения текста оригинала на языке перевода. В первом случае в качестве основы для достижения понимания используется информация, извлекаемая из различных видов контекста, логические выводы, рассуждения и словари. Во втором происходит преимущественно сопоставление нескольких возможных вариантов, которые берутся из словаря, дополняются переводчиком синонимами и парафразами. Как отмечает Х. Крингс, при переводе с иностранного языка наблюдается больший разброс предварительных вариантов, чем при переводе на язык. Однако автор делает парадоксальный вывод: ошибки не дают достоверных данных ни о наличии переводческих проблем, ни о степени понимания оригинала переводчиком. К такому заключению Х. Крингс приходит потому, что некоторые информанты переводили правильно без полного понимания переводимого отрезка и давали ошибочные переводы при отсутствии проблемы [19]. Мы хотели бы опровергнуть столь пессимистический вывод автора. Проблема, в том числе и переводческая, не носит абсолютного характера: во-первых, что для одного переводчика является проблемой, для другого – стереотипно решаемая задача; во-вторых, вряд ли можно ожидать полного понимания текста от переводчика, занимающегося переводом научной и технической литературы, поскольку он не может быть специалистом в разных областях науки и техники. Тем не менее перевод должен быть правильным и понятным для его получателя.

Более точно выразила данную мысль Н. Д. Арутюнова, к тому же убедительно подтвердив необходимость выделения эрратологии как теории ошибок в качестве самостоятельной прикладной дисциплины: «Объяснить причину

часто значит свести ненормативное явление к норме или открыть дотоле нечто неизвестное (новую норму)... Чтобы надежно укрыть жемчужину, нужна куча жемчуга. То, что не отделено от фона или среды погружения, трудно заметить, а о том, что осталось незамеченным, трудно сообщить» [1, с. 5, 8].

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975.
3. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. – М., 1998.
4. Комиссаров В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу. – М.: Рема, 1997.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990.
6. Латышев А. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания перевода. – М.: Просвещение, 1998.
7. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. – М.: Московский лицей, 1996.
8. Мучник Б. С. Основы стилистики редактирования. – Ростов н/Д: Феникс, 1997.
9. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974.
10. Семко С. А., Клушин Н. А. Проблема систематизации переводоведческих категорий // Информационно-коммуникативные аспекты перевода. – Горький, 1986.
11. Krings H. P. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht. – Tübingen, 1986.
12. Wills W. Übersetzungswissenschaft: Probleme und Methoden. – Stuttgart: Ernst Kleff. – 1978.